

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ОХРАНЫ ОСНОВНОГО ЗАКОНА

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЕВ
(Полоцкий государственный университет)

Исследуется институт конституционно-правовой ответственности. Показана роль Конституционного Суда как особого субъекта в плане обеспечения конституционного правопорядка. Выясняется соотношение конституционной и юридической ответственности. Характеризуются основания конституционно-правовой ответственности: нормативное, фактическое, процессуальное. Изучается фактор вины в механизме привлечения субъектов к конституционно-правовой ответственности. Объясняется связь конституционной и политической ответственности. Дается определение конституционно-правовой ответственности с учетом общесистемных признаков юридической ответственности.

Введение. Основной Закон Республики Беларусь прямо не признает конституционно-правовую ответственность в качестве отдельного института, но слово «ответственность» употребляется в некоторых его статьях: ст. 2, 59, 97, 106, 110. Однако необходимость адекватных мер воздействия на субъектов конституционно-правовых отношений в целях охраны и защиты Конституции Беларуси вытекает непосредственно из закрепленных ею основ конституционного строя Республики Беларусь как демократического правового государства, обязанного обеспечивать признание, соблюдение и защиту целого комплекса конституционных ценностей: прав и свобод личности, суверенитета, единства системы государственной власти, верховенства права и т.д.

Одним из механизмов, гарантирующих реализацию Основного Закона, и является институт конституционно-правовой ответственности, а особым субъектом в плане обеспечения конституционного правопорядка выступает Конституционный Суд Республики Беларусь.

Представляется обособленной точкой зрения В.А. Виноградова [1, с. 3], который особо подчеркивает, что конституционно-правовая ответственность как гарантия сохранения конституционного строя представляет собой, прежде всего, ответственность власти, в том числе за состояние конституционности и законности в правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов, должностных лиц, и, следовательно, она должна обеспечивать высокую социальную эффективность функционирования власти. При этом важно, подчеркивает автор, чтобы объем полномочий и обязанностей субъектов, с одной стороны, и объем их ответственности – с другой, были сбалансированы и находились в пропорциональной зависимости (мера власти должна соотноситься с мерой ответственности).

Основная часть. Ответственность государственной власти за поддержание режима законности, установленного в государстве, – гарантия обеспечения правопорядка. Например, закон Республики Беларусь о Конституционном Суде Республики Беларусь в части 3 статьи 10 устанавливает юридическую ответственность за отказ либо уклонение от рассмотрения, нарушение сроков, неисполнение либо ненадлежащее исполнение решений Конституционного Суда. Реализация данного правового положения находила продолжение в статье 167 ранее действовавшего Уголовного кодекса Республики Беларусь, которая запрещала понуждение должностного лица, состоящего на государственной службе, к неисполнению решений Конституционного Суда Республики Беларусь должностными лицами, занимающими ответственное положение. Состав преступления предусматривался формальным, т.е. преступление признавалось оконченным с момента воздействия на должностное лицо с целью понудить его к неисполнению решений Конституционного Суда, независимо от достигнутого результата. Субъективная же сторона характеризовалась виной в форме прямого умысла, но об этой норме приходится говорить в прошедшем времени, так как в связи со вступлением в юридическую силу действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь, уголовный закон более не предусматривает такого состава преступления.

Впрочем, признание конституционной ответственности самостоятельным видом юридической ответственности предполагает, безусловно, «раскрытие ее основных положений (источники, субъекты, основания, санкции)» [2, с. 86], так как речь идет об ответственности высших органов власти, должностных лиц высокого уровня, т.е. структур и людей, которым предоставлены полномочия принимать наиболее важные государственные решения. Несмотря на то, что круг органов и лиц, на которых распространяется конституционная ответственность, сравнительно узок, есть все основания считать конституционную ответственность одним из ключевых институтов публичного права.

Необходимо отметить, что в теории и законодательстве существует очень много проблем, связанных с рассматриваемой темой, но нельзя отрицать того, что вопрос ответственности государства за свою деятельность или бездействие имеет бесспорную актуальность. Исследование конституционной ответственности предпринято юристами относительно недавно. В наиболее точном смысле слова под конституционной ответственностью должны пониматься все предусмотренные средства защиты Основного Закона и всего конституционного строя.

Особо следует подчеркнуть, что метод возложения ответственности – это не только обязанность совершать определенные действия либо воздерживаться от них, но и предостережение о неблагоприятных последствиях при невыполнении обязанности. Здесь учтем точку зрения Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркина: «Независимо от того, как подходить к конституционной ответственности (с узких позиций – как к защите конституционного строя средствами, предусмотренными конституцией, или с широких – основанием такой ответственности служат не только конституционно-правовые нормы, но и другие; разделять конституционную политическую ответственность и конституционную юридическую ответственность или не делать этого), метод конституционной ответственности, как и всякой правовой ответственности, представляет собой государственно-правовое воздействие, в результате которого нарушитель конституционных норм претерпевает неблагоприятные последствия. Угроза принуждения, но не само принуждение – этим отличается метод установления ответственности от метода непосредственных санкций» [3, с. 128].

По нашему мнению, конституционная ответственность характеризуется теми признаками, которые присущи юридической ответственности в целом. Как считает Ю.А. Тихомиров, «по своей форме и содержанию конституционная ответственность шире, чем любой другой вид юридической ответственности» [4, с. 321]. Основанием конституционной ответственности ученый рассматривает действие или бездействие субъекта конституционно-правовых отношений, не соответствующее должному поведению, предусмотренному нормами конституционного права, и влекущее за собой применение установленных мер конституционной ответственности.

В свою очередь В.А. Виноградов предлагает выделять три основания конституционно-правовой ответственности: 1) нормативное, 2) фактическое и 3) процессуальное, причем устанавливает следующую последовательность: «Прежде всего должна быть конституционно-правовая норма, устанавливающая модель поведения и санкцию за отклонение от нее. Затем может возникнуть фактическое основание – не соответствующее конституционно-правовой норме деяние. При наличии нормы и не соответствующего ей деяния уполномоченная инстанция в порядке, установленном конституционно-правовыми нормами, может определить меру конституционно-правовой ответственности за указанное деяние» [1, с. 23].

Очевидно, что проблема реализации конституционно-правовой ответственности решается непросто, и одним из важнейших является вопрос об инстанции (т.н. субъекте юрисдикции), ведь кто-то должен констатировать наступление конституционно-правовой ответственности в отношении соответствующего субъекта. В ином случае лицо невозможно привлечь к конституционно-правовой ответственности.

Если инстанция ответственности (субъект юрисдикции) не установлена – нет и самой ответственности. В связи с этим при закреплении конституционно-правовой ответственности должны быть четко указаны не только субъект ответственности, основание, меры воздействия, но и обязательно – инстанция. Именно судебный порядок реализации конституционно-правовой ответственности представляется наиболее целесообразным, поскольку видение суда как независимого и беспристрастного по своей природе органа предполагает соблюдение конституционных гарантий правосудия. Поэтому в силу норм Основного Закона Конституционный Суд должен рассматриваться в качестве единственной судебной инстанции, которая уполномочена окончательно разрешать публично-правовые споры, связанные с решением вопроса о соответствии Конституции Республики Беларусь. В силу этого нельзя согласиться с теми положениями действующей белорусской Конституции, которые, описывая механизмы таких коллизий, не предусматривают участия в данной процедуре Конституционного Суда Республики Беларусь.

Стоит напомнить о том, что в отечественной юриспруденции долгое время существовало мнение, согласно которому реализация норм конституционного права обеспечивается лишь организационными средствами, а в самой отрасли конституционного права не существует соответствующих санкций, и поэтому реализация конституционно-правовых норм должна обеспечиваться санкциями других отраслей права: административного, уголовного, гражданского. Как ошибочный признает указанный подход С.А. Авакьян, мотивируя свою точку зрения тем, что каждая отрасль права должна обеспечивать реализацию своих норм собственными средствами, включая и меры ответственности: «Наличие мер ответственности, – указывает ученый, – это такой же признак отрасли как «собственные» общественные отношения, «свои» нормы, данные отношения регулирующие» [5, с. 124]. Он же утверждает: «Если есть отрасль права, она должна обеспечивать реализацию своих норм прежде всего собственными средствами, в том числе и мерами ответственности, санкциями, а уж затем мерами других отраслей права» [6, с. 89].

Возможны ситуации, когда конституционно-правовая ответственность применяется без вины как таковой. В частности, в порядке реализации статьи 94 Конституции Республики Беларусь Президент мо-

жет принять решение о досрочном прекращении полномочий Палаты представителей при отказе ею в доверии Правительству, выражении вотума недоверия Правительству или двукратном отказе в даче согласия по назначению Премьер-министра.

Думается, законодателю необходимо выделить конституционную ответственность в качестве самостоятельного вида юридической ответственности с учетом ее специфики. Традиционно в отечественной юридической литературе выделялись уголовная, дисциплинарная, административная, гражданская и материальная ответственность. Через все указанные виды наблюдается отрицательная оценка государством деятельности государственных органов, должностных лиц, граждан и т.д., а также мера принуждения, реализация санкции правовой нормы.

Четко определяет специфические черты конституционной ответственности Д.Т. Шон, позволяющие отличать ее от других видов ответственности и характеризующие ее как самостоятельный вид юридической ответственности [7, с. 37]. Ученый предупреждает, что термин «конституционная ответственность» имеет в какой-то мере условное значение и может создать иллюзию, будто речь идет о всякой ответственности за нарушение Конституции либо о всякой ответственности, упомянутой в Конституции, а это не так. Справедливо замечание и по поводу того, что нормы Конституции и других источников конституционного права регулируют весьма обширные по масштабам общественные отношения и многие из них обеспечены санкциями норм других отраслей права.

Действительно, законодательство Республики Беларусь предусматривает, что нарушение конституционных положений может повлечь и уголовную (ст. 88 Конституции Республики Беларусь), и дисциплинарную (ст. 88 Регламента Конституционного Суда Республики Беларусь), и административную (ст. 46 Закона Республики Беларусь о Конституционном Суде Республики Беларусь) ответственность в зависимости от характера правонарушения, статуса его субъекта и процедуры применения. Таким образом, конституционная ответственность может наступать за нарушение Конституции, но не всякая ответственность за ее нарушение является конституционной ответственностью.

В подтверждение этого тезиса уместно привести мнение Н.В. Витрука, который считает необходимым различать конституционные основы юридической ответственности и собственно конституционную ответственность. «Конституционные основы юридической ответственности, – указывает ученый, – должны найти свое адекватное выражение, конкретизацию в нормах отраслевого текущего законодательства. Вместе с тем такое законодательство не должно противоречить конституционным положениям, и на обеспечение этого условия направлен конституционный контроль. Отсюда конституционной ответственностью можно считать только ту ответственность, которая прямо предусмотрена конституцией» [5, с. 126].

Однако конституционная ответственность может наступать не только за нарушение Конституции, но и обычных законов. Например, Президент Республики Беларусь может быть смещен с должности в связи с совершением государственной измены или иного тяжкого преступления (ст. 88 Конституции Республики Беларусь). Следовательно, основанием конституционной ответственности может послужить нарушение Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В широком, обобщенном плане строит свои исследования В.О. Лучин, рассматривая конституционную ответственность как «обусловленную нормами Основного Закона необходимость соответствующих субъектов отвечать за свое юридически значимое поведение в установленном порядке и действовать в соответствии с возложенными на них обязанностями, а в случае отклонения – претерпевать определенные лишения» [9, с. 283]. Ученый и судья Конституционного Суда Российской Федерации особо отмечает, что конституционная ответственность выполняет не только карательную, но и восстановительную, предупредительную, воспитательную функции, и ей присуще своеобразное соотношение ретроспективного и позитивного аспектов. Таким образом, оценивая предложенную В.О. Лучиным юридическую конструкцию, можно сделать вывод о том, что автор конституционную ответственность понимает в трех общих значениях, а именно как: 1) ответственное поведение, 2) несение ответственности перед кем-нибудь и за что-нибудь, 3) результат поведения и процесса несения ответственности. Очевидно и то, что конституционная ответственность должна рассматриваться как категория социальной ответственности, объединяющая политическую, моральную и юридическую ответственность.

Ключевым вопросом теории юридической ответственности признается вопрос о ее условиях. В данном случае возникает непростая проблема, которая требует теоретического решения. Общеизвестным признается принцип, устанавливающий, что без правонарушения не может быть ответственности. В то же время гражданское право, в частности, допускает ряд исключений, когда к гражданско-правовой ответственности при совершении объективно-противоправных деяний могут быть привлечены субъекты, у которых отсутствует вина (например, ответственность страхователей, владельцев источников повышенной опасности и др.).

Вина, как известно, основной признак субъективной стороны правонарушения, однако в конституционном праве вина как условие ответственности имеет значительную специфику. Следует учитывать, что конституционно-правовые акты не дают определения вины, а лишь в некоторых случаях предусматри-

вают необходимость ее установления для привлечения к конституционно-правовой ответственности. Согласно принятому у нас теоретическому и законодательному подходу, наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено в законодательном акте непосредственно.

Однако в отношении конституционного права как белорусского, так и зарубежного следует сделать вывод, что вина не во всех случаях является строго обязательным условием наступления ответственности. Действующее законодательство убеждает, что конституционное право допускает ответственность за невиновные, т.е. лишь объективно противоправные деяния. Другие отрасли права, регулируя ответственность за совершение общественно вредных противоправных деяний, как правило, не допускают объективного вменения и предусматривают ответственность обычно только за виновные деяния. В конституционном праве этот принцип не всегда проявляется в полной мере.

Одним из характерных примеров является именно та ситуация, при которой Конституционный Суд Республики Беларусь признает тот или иной закон неконституционным безотносительно наличия или отсутствия вины Палаты представителей, принявшей такой закон, Совета Республики, одобрившего, и Президента, подписавшего его. Конституционный Суд даже не обсуждает вопрос о вине перечисленных государственных органов и должностных лиц. Или, например, статья 84 Конституции Беларуси не связывает Главу государства выяснением вины Правительства при принятии решения об отмене правительственных актов в случае их противоречия Основному Закону, законам Парламента, декретам и указам Президента.

Конституционная ответственность может иметь и моральные основания. В частности, Кодекс чести судьи Конституционного Суда Республики Беларусь в статье 13 и Закон Республики Беларусь о Конституционном Суде Республики Беларусь в пункте 5 статьи 18 устанавливают, что полномочия члена Конституционного Суда могут быть прекращены либо приостановлены в связи с поступком, который хоть и не является преступным, но по своему характеру несовместимый с высоким званием судьи. Заметим, что практически невозможно в законе зафиксировать все моральные основания конституционной ответственности, как и нет их конкретизации. Учитывая публичный характер сферы регулируемых отношений, весьма сложно проследить и предусмотреть фактическую реализацию указанных правоположений, что опять же, на наш взгляд, размывает границы правомерного, нейтрального и противоправного поведения субъектов, круг которых очерчивается законодателем.

Таким образом, при рассмотрении вопроса о несоответствующем поведении в ряде случаев необходимо давать моральную оценку поведению субъекту конституционно-правовых отношений. Объясняется это тем, что должностные лица при осуществлении своих полномочий в сфере конституционно-правовых отношений должны не только соблюдать закон, но и уважать моральные принципы и нормы этики. Значит ли это, что несоответствие поведения субъекта названным правилам следует рассматривать как конституционный деликт? Например, В.А. Виноградов полагает, что категорично утверждать в данном случае неприемлемо: «Дело в том, что нормы морали не тождественны правовым нормам, и их соблюдение обеспечивается не мерами государственного принуждения, а мерами общественного воздействия, отрицательной социальной оценкой. И поведение, нарушающее нормы этики и морали, может быть признано не соответствующим должному в конституционно-правовой сфере только тогда, когда конституционно-правовые нормы придают конкретным моральным правилам силу правовых норм» [1, с. 31]. Отсюда делается вывод о том, что основание моральной ответственности для того, чтобы стать конституционным деликтом, должно быть прямо или косвенно санкционировано конституционно-правовыми нормами.

Несомненно, такой конституционный деликт, как совершение Президентом деяния, которое имеет признаки измены или иного тяжкого преступления, имеет очень сложный правовой характер. И объясняется это тем, что конституционно-правовые нормы могут «связывать» основание конституционно-правовой ответственности с правонарушениями в других отраслях права. В данном случае предусматривается возможность возникновения конституционно-деликтных отношений в связи с нарушением уголовно-правовых норм, и здесь обнаруживается теснейшая связь двух правоотношений – уголовно-правового и конституционно-правового. Если преступление будет совершено, его следует рассматривать одновременно нарушением норм и конституционного, и уголовного права, что повлечет за собой конституционно-правовые и уголовно-правовые последствия.

Общая конструкция конституционной ответственности имеет и достаточно выраженную политическую подоплеку. Особенно это заметно в условиях Республики Беларусь, где воспринята смешанная форма правления и предусмотрена парламентская ответственность. Иначе и быть не может, поскольку большинство конституционно-правовых норм призваны урегулировать отношения, складывающиеся в сфере политики и власти. Но не всякую меру публично-принудительного воздействия, имеющую политическое содержание, можно рассматривать как меру конституционно-правовой ответственности, «иначе границы собственно юридической ответственности безусловно расширяются, а ее функция стимулирования должного поведения столь же бессмысленно утрачивается» [1, с. 20]. Очевидно, что конституци-

онно-правовая ответственность имеет довольно четко выраженное политическое содержание и по основаниям, и по кругу субъектов, и по мерам воздействия на них. Поэтому и конституционные суды всегда будут рассматриваться через призму соотношения политического и правового содержания при решении принципиальных вопросов, касающихся их организации и деятельности.

По мнению М.С. Басиева, «при разграничении конституционной и политической ответственности методологически правильно будет руководствоваться следующим правилом: рассмотрение конституционно-правовой ответственности требует исключительной тщательности в разработке процедур применения мер воздействия, четкость разграничения требований законности и целесообразности; юридическое толкование политических моментов ответственности заключается не в том, чтобы, используя категории, свойственные праву, придавать политической целесообразности законный характер. Предназначение правовой науки – раскрыть механизм реализации форм ответственности, определить критерии допустимости использования политических моментов при конструировании модели конституционно-правовой ответственности» [8, с. 26].

Вопрос о политической подоплеке мер конституционно-правовой ответственности актуализируется и С.А. Авакьяном, который отмечает следующее: «Поведение участников конституционно-правовых отношений отнюдь не предопределяется лишь правовыми нормами, оно часто обусловлено политическими соображениями, оценками и критериями. [...] Конституционно-правовая ответственность – зачастую есть политическая ответственность, всего лишь сопровождаемая конституционно-правовой формой» [6, с. 92]. Можно вспомнить и о том, что все тоталитарные и многие авторитарные режимы и не пытаются скрывать политическую направленность государственно-правовых санкций.

Рассматривая следующим вопросом конституционно-правовые санкции, можно будет убедиться, что применение мер конституционно-правовой ответственности очень часто сопряжено с наступлением неблагоприятных (невыгодных) политических последствий для субъекта, допустившего недолжное поведение в конституционно-правовой сфере.

Вопрос о понимании сущности конституционно-правовой ответственности во многом осложнен тем обстоятельством, что в теории юридической ответственности принято выделять три аспекта: 1) внутреннее отношение субъекта права к своему долгу в части выполнения требований норм права; 2) ответственность перед кем-то, предполагающая возможность спросить с данного субъекта права отчет за его действия; 3) применение санкций (наказания) к субъекту права в связи с оценкой его поведения. Варианты 1 и 2 трактуются как проявление так называемой позитивной ответственности, вариант 3 – негативной ответственности. Как объясняет С.А. Авакьян [6, с. 91], «позитивная ответственность – ответственность перед своей совестью либо перед кем-то, кто может оценить поведение данного субъекта права. То есть спрашивают за поведение, в целом соответствующее закону, за его исполнение, поэтому и ответственность называется позитивной. Если поведение оценивается как нарушающее определенные нормы, т.е. как негативное, наступает черед применения санкций за такое поведение. Это и будет негативная ответственность, ее еще называют ретроспективной (обращенной назад), т.е. наступающей за ранее совершенные действия».

Следует признать, что задача института ответственности – применение санкционных мер в отношении правонарушителя, а, например, судебный конституционный контроль относится к той процедуре защиты, где основная задача – применение не репрессивной юрисдикции, а восстановительной, компенсационной. Хотя не исключено, что в ряде случаев задачи деятельности по привлечению к ответственности и защиты совпадают. Авторы, занимающиеся проблемами конституционно-правовой ответственности (С.А. Авакьян [5], М.В. Баглай [10], Г.А. Василевич [11], Н.М. Колосова [2], Д.А. Липинский [12] и др.), в большинстве случаев разделяют ее на негативную и позитивную, что следует признать вполне оправданным подходом. Своеобразием такого рода юридической ответственности является то, что конституционная ответственность выступает в двух видах: в виде восстановительной (защитной) ответственности, что присуще частному праву, и в виде карательной (репрессивной) ответственности, что характерно для публичного права.

Примером правовосстановительной ответственности служит отмена неконституционного нормативного акта. Если же речь идет об отрешении от должности Президента, то налицо проявление карательной конституционной ответственности. Несколько иначе видит проблему Б.А. Страшун, который конституционную ответственность рассматривает исключительно как негативную. Вообще, считает ученый, разделение ответственности на позитивную и негативную «следует считать нонсенсом, поскольку, по сути, речь идет о совершенно различных вещах. Одно дело, когда мы говорим о круге задач и правомочий, за которые отвечает должностное лицо. Другое дело, когда говорим, что это лицо или орган подвергается санкциям, а точнее, неблагоприятным последствиям» [5, с. 127].

Действительно, не все ученые признают выделение позитивной ответственности наряду с негативной. В частности, О.Е. Кутафин пишет: «Что же касается понятия «позитивной ответственности», то от него, думается, следовало бы отказаться, поскольку его использование приводит к тому, что одно и то же явление именуется и обязанностью, и ответственностью, а также к размыванию предназначения от-

ветственности как одного из эффективных регуляторов поведения» [13, с. 400]. Думается, однако, что многое зависит от конкретной отрасли права. Если в уголовном праве принято говорить об ответственности как наказании за совершенные деяния, то это – негативная ответственность. Однако в конституционном праве, как нами было показано, все же есть достаточные основания для выделения позитивной ответственности. Но, безусловно, важнейшей проблемой конституционно-правовой ответственности является негативная ответственность, т.е. последствия недолжного поведения.

Специфическим признаком конституционной ответственности можно считать и то, что ей, как и защите, также в большинстве случаев присуща восстановительная функция. Некоторые авторы делают заключение о том, что «в судебном конституционном контроле “защита” доминирует над применением ответственности, и такой вывод основывается на анализе научной конструкции, связанной с дифференциацией института конституционной ответственности на “позитивную” (ответственность в смысле ответственного поведения, юридической компетентности, подконтрольности) и “негативную” (т.е. заключающуюся в применении наказания)» [14, с. 44]. Таким образом, первый вид ответственности, отождествляемый с защитой, преобладает над вторым. Опять же, властный акт, предписание, венчающий рассмотрение дела в конституционном судопроизводстве, не может рассматриваться как принуждение при защите права, а лишь опирается на возможность принуждения в случае неисполнения этого предписания добровольно теми субъектами права, которым оно адресовано. Теоретически допустимо, что в процессе реализации судебного конституционного контроля не обязательно ответственность должна следовать за правонарушением, а защита права возможна и до его нарушения, если вероятность его совершения велика. Делая определенные выводы из сказанного, правоохранительную деятельность в порядке судебного конституционного контроля можно представить как соединение двух относительно самостоятельных форм. Точной видится оценка Ж.И. Овсепян, которая пришла к заключению, что подобная деятельность «одновременно, и форма контроля, и в то же время – форма правосудия, причем, обе эти формы в своем сочетании рожают новое качество данной организационно-правовой формы осуществления государственной власти как единого целого» [14, с. 45].

Рассматривая правоохранительную деятельность Конституционного Суда через призму института конституционной ответственности, можно выявить основные причины, которые тормозят включение конституционно-правовой ответственности в традиционный набор видов юридической ответственности. Как представляется, юридические причины обусловлены особенностями конституционно-правовых отношений. К числу таковых необходимо отнести следующие:

- во-первых, комплексный, разносторонний характер конституционно-правовых отношений, в связи с которым наиболее остро встают вопросы разграничения конституционно-правовой ответственности, с одной стороны, и политической, уголовной, административной – с другой;

- во-вторых, конституционно-правовые отношения носят достаточно сложный характер, и для того чтобы выявить конституционный деликт, необходим комплексный анализ конституционных норм. В частности, такая ситуация может иметь место в случае, если полномочия Палаты представителей или Совета Республики досрочно прекращаются на основании заключения Конституционного Суда в случае систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции (ч. 2 ст. 94 Конституции Республики Беларусь);

- в-третьих, своеобразный характер имеют конституционно-правовые санкции. Для большинства субъектов правонарушества чисто психологически достаточно ново принять в качестве таковой необходимость отмены изданного ими нормативного акта, признанного Конституционным Судом не соответствующим Основному Закону. Возможно, юридической науке необходимо провести более четкую границу между понятием санкции и понятием негативных последствий.

Очень важно создать такие механизмы, чтобы конституционная ответственность воспринималась не в качестве призыва либо пожелания, а рассматривалась всеми субъектами реальным конституционно-правовым институтом.

С учетом всего вышесказанного конституционная ответственность предстает в единстве общесистемных признаков, присущих юридической и социальной ответственности в целом, а также тех свойств и качеств, которые указывают на ее своеобразие как относительно самостоятельного правового явления.

В Конституции, как правило, намечены только общие положения, «подходы» к ответственности, в то время как раскрытие ее видов предполагается через текущее законодательство. Поэтому важным шагом к реальности конституционной ответственности должно считаться расширение полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь. В частности, в Редакции Конституции Республики Беларусь 1994 года было положение о том, что Конституционный Суд давал заключение о нарушении Конституции Президентом (ст. 104). И такая норма полностью соответствовала стандартам конституционной законности, ведь в силу своего предназначения Конституционный Суд наиболее компетентно может проанализировать конституционность действий любого должностного лица, включая Главу государства. Теперь, как известно, этого положения в действующей Конституции Республики Беларусь нет. По нашему мне-

нию, у Конституционного Суда как «стража Конституции» должно быть такое средство, как возможность поставить перед Парламентом вопрос об ответственности высших должностных лиц в государстве на основании зафиксированных им фактов нарушения Основного Закона.

Заключение. Итак, конституционно-правовая ответственность – это самостоятельный вид юридической ответственности, осуществление мер которой (в виде различного рода неблагоприятных последствий для субъектов) не только устанавливается конституционно-правовыми нормами, но и направлено прежде всего на защиту конституционно-правовых отношений. Ее конституционное и законодательное признание как одного из видов юридической ответственности будет повышать эффективность конституционно-правовых норм, усиливать их влияние на общественно-политическую практику.

Рассматриваемый вид ответственности, по мнению В.А. Виноградова [15, с. 2], предстает в единстве общесистемных признаков, присущих юридической ответственности в целом, а также тех качеств и свойств, которые указывают на ее своеобразии как относительно самостоятельного правового явления. Общие признаки юридической ответственности специфически преломляются применительно к конституционно-правовой ответственности. Вместе с тем конституционно-правовая ответственность не может быть полным аналогом других видов юридической ответственности, поскольку содержание ответственности должно быть адекватно содержанию соответствующих общественных отношений, по крайней мере, между ними не должно быть несоответствий.

С учетом общесистемных признаков юридической ответственности конституционно-правовую ответственность можно определить следующим образом: *конституционно-правовая ответственность – это закрепленная конституционно-правовыми нормами обязанность субъекта конституционно-правовых отношений отвечать за несоответствие своего юридически значимого поведения, которое предписано ему этими нормами, обеспечиваемая возможностью применения уполномоченной инстанцией мер государственного или общественного воздействия.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.А. Понятие и особенности конституционно-правовой ответственности: проблемы России, опыт зарубежных стран / В.А. Виноградов. – М.: Ин-т права и публичной политики, 2003. – 117 с.
2. Колосова, Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / Н.М. Колосова // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 22 – 30.
3. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
4. Тихомиров, Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров – М.: Юринформцентр, 2001. – 355 с.
5. Проблемы конституционно-правовой ответственности (по материалам конф. на юрид. фак.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2001. – № 3. – С. 124 – 134.
6. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. – М.: Юристъ, 2005. – Т. 1. – 719 с.
7. Шон, Д. Конституционная ответственность / Д. Шон // Государство и право. – 1995. – № 7. – С. 35 – 43.
8. Басиев, М.С. К вопросу о концепции конституционно-правовой ответственности / М.С. Басиев // Право и политика. – 2006. – № 9. – С. 19 – 29.
9. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
10. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для юрид. вузов и фак. / М.В. Баглай. – М.: НОРМА, 2000. – 776 с.
11. Василевич, Г.А. Конституционно-правовая ответственность – особый вид юридической ответственности / Г.А. Василевич // Вестн. Конст. Суда Респ. Беларусь. – 2001. – № 1. – С. 104 – 111.
12. Липинский, Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против. Ч. 1 / Д.А. Липинский // Право и политика. – 2005. – № 11. – С. 9 – 18.
13. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2001. – 444 с.
14. Овсепян, Ж.И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах / Ж.И. Овсепян. – Ростов н/Д: Литера-Д, 1992. – 320 с.
15. Виноградов, В.А. Проблемы охраны (защиты) Конституции Российской Федерации и конституционно-правовая ответственность / В.А. Виноградов // Конституционное и муниципальное право. – 2003. – № 1. – С. 2 – 4.

Поступила 09.03.2009